

Ольга Кушлина

СТРАСТОЦВЕТ

или Петербургские подоконники

Ольга Кушлина

**Страстоцвет, или
Петербургские подоконники**

«Издательство Ивана Лимбаха»

2001, 2021

УДК 882-4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Кушлина О. Б.

Страстоцвет, или Петербургские подоконники / О. Б. Кушлина —
«Издательство Ивана Лимбаха», 2001, 2021

ISBN 978-5-89059-418-1

Автор книги рассматривает русскую поэзию конца XIX – начала XX века под неожиданным углом зрения: каким образом распространение в Европе экзотических растений повлияло на смену художественных стилей и способствовало возникновению модернизма в литературе. Иронический взгляд позволяет сделать неожиданный вывод: не декаденты создали моду на орхидею, но сама орхидея «породила» декадента, а русский символизм «вырос» на подоконниках московской купчихи Матрены Брюсовой. Автор предлагает отнестись к комнатным растениям как к универсальному индикатору обывательских представлений о прекрасном, и в таком случае оказывается, что смена цветов на подоконниках чревата серьезными потрясениями в искусстве. Книга проиллюстрирована рисунками, фотографиями и текстами из старинных изданий по цветоводству, она может послужить кратким справочником по «литературной ботанике». Издание 2-е, исправленное.

УДК 882-4
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-89059-418-1

© Кушлина О. Б., 2001, 2021
© Издательство Ивана Лимбаха, 2001,
2021

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ольга Кушлина

Страстоцвет, или Петербургские подоконники

Памяти ушедших – живущих в памяти

- © О. Б. Кушлина, 2001, 2021
© В. Б. Кривулин (наследники), 2021
© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2021
© Издательство Ивана Лимбаха, 2021

* * *

Но может быть, скажут мне: если ты мнение свое считаешь не за верное, а за вероятное, то зачем выдаешь его в свет? Я отвечаю тем, что о словесности можно говорить и писать все, что угодно; ибо от этого не может произойти ни политического, ни нравственного зла: если я написал что-нибудь неосновательное, другие докажут это, сим способом отыскивается истина.

Д. Языков. Замечания о некоторых русских буквах (Цветник. СПб., 1809)

...Нужно было с этим что-то делать, как-то распорядиться случайным наследством, каким одарила нас старая квартира: круглым эркером и тремя его окнами, белым цветочным горшком с невнятными лепными украшениями, потрепанной книгой по комнатному садоводству. Толстый том сам раскрывался на переложенных закладках страниц и демонстрировал отчеркнутые внимательным читателем строки:

Горшки с посаженными тюльпанными луковицами всего лучше поставить в подвал и здесь засыпать их приблизительно на вершок землею. За луковицами необходимо следить, так как до них большие охотницы мыши.

Отсутствие подвала не огорчало из-за отсутствия тюльпанных луковиц, а за отсутствием мышей следили наши многочисленные кошки. Они же периодически роняли на пол большую книгу, сочиненную в конце XIX века ученым немцем Максом Гесдерфером и тогда же переведенную русским любителем А. Семеновым. Она распаивалась каждый раз на новом, всегда дельном совете:

Чтобы не пропустить появления стрелки, растение следует от времени до времени осматривать, раздвигая осторожно листья, при этом иногда удастся по отклонившемуся слегка листу заметить, что растение желает цвести.

У меня в прежней квартире ничего не желало цвести. Росла привольно в плошках «трава газонная», посаженная для нужд кошачьего метаболизма, и от времени до времени коты ее лениво пожирали. К появлению других растений в доме они относились ревниво: сворачивали на пол горшок с вьющейся розой, обкусывали цветы азалий, устраивались вздремнуть на ветках бегонии. Даже с кактусом сражались самозабвенно, на деле доказывая, чьи когти крепче. Многолетняя борьба флоры и фауны заканчивалась в пользу фауны. Рекомендаций на этот счет в почтенной книге не содержалось, потому «Практическое руководство для любителей и садоводов» листала я из чистого любопытства, когда книга попала на глаза.

Неожиданно она пригодилась, но тоже не по прямому назначению, а как источник комментария к сборнику стихов Тэффи «Passiflora». Сравнивая стихотворение, давшее имя поэтической книге, и соответствующую главу из «Комнатного садоводства», я обнаружила их удивительное сходство, параллельность. Единожды попав под обаяние книги М. Гесдерфера, дальше читала ее как роман – любовный, эпистолярный, порой авантюрный – и вскоре убедилась, что Надежда Александровна Лохвицкая, по мужу Бучинская (мирское имя поэтессы Тэффи), не только была знакома с этим изданием, но и, так же как и я, очарована им, и именно труд Гесдерфера—Семенова дал ей импульс к написанию цикла стихов. Переводная книга со скромным названием являла собой образцовый пример высокого слога:

*Даже без цветов – из-за одной красоты листьев – это растение было бы
достойно занять место в комнатах, а между тем более взрослые растения
еще и цветут.*

Эти исполненные восторга слова обращены к *clivia* – первому цветку, вернувшемуся к нам в дом. Чахлое, замученное растеньице – родом из Порт-Наталя, как утверждала книга, – детство провело именно в той комнате, где мы недавно поселились, а отдала его нам уезжавшая за границу родственница. В главе о кливии рекомендации по уходу были аккуратно подчеркнуты рукой читателя-предшественника – я только их выполнила. Вторая молодость благодарного репатрианта расцвела созвездием оранжевых (правильно сказать, суриковых) цветов.

Коты отнеслись к старожилу с уважением: не ломали, а лишь чуть касались лапой цветочной стрелки, и золотое облачко пыльцы кружилось между тычинками и пестиком. Со временем на месте опыленных цветов стали вызревать крупные ягоды. Произошло долгожданное «приспособление комнат для культуры в них растений».

Постепенно все три окна эркера оказались заставленными цветами и «украшительными кустарниками»: выбор растений теперь совершался в строгом соответствии с закладками книги. Весной на подоконники вернулись все старые насельники «родового имения» моего мужа.

Тогда наконец и я поняла, что все это время выполняла программу, тоже доставшуюся в наследство. В наследство от человека мне незнакомого, давно почившего, – моей свекрови. Как свидетельствуют близкие, была она женщиной волевой и сильной. Сильной настолько, что спустя четверть века после ее ухода в дом, душой которого она была, вернулся прежний уклад.

Теперь мистические домашние звери мирно сосуществуют с горшками, цветами и листьями; высший порядок оказался доступнее их пониманию, чем просто порядок.

Между походами в цветочные магазины и обихаживанием выпрошенных у знакомых черенков пыталась я заниматься своим делом – литературоведением. На столике в зеленом эркере разложены были сборники стихов – «Passiflora» Тэффи, «Герань» П. Потемкина, «Вербена» Северянина... Этого оказалось достаточно, чтобы все переменялось: «лопасти латаний» веером раскинулись над собранием сочинений Брюсова, азалии встали рядом с Иннокентием Анненским, и даже цветочек на обоях подмигивал пестрому ситцу, в какой переплетена была книжка Петра Потемкина.

Цветы на подоконниках были те же самые, что украшали петербургские комнаты не только тридцать, но и сто лет назад. Традиция, в сущности, не менялась. Можно убедиться в этом, гуляя по городу и заглядывая(-сь) в окна первых этажей.

* * *

Так получилась эта странная и неожиданная для меня самой книжка.

Глава первая Лесной апостол

Passiflora – скорбное слово,
Темное имя цветка...
Орудия страсти Христовой —
Узор его лепестка.
Ты, в мир пришедший так просто,
Как всякий стебель и лист,
Ты – белый лесной апостол,
Полевой евангелист!
Да поют все цветы и травы
Славу кресту твоему,
И я твой стигмат кровавый
На сердце свое прийму.

«Passiflora» – стояло на титуле, и латинские буквы на книге, изданной в Берлине, выглядели уместнее кириллицы.

Пассифлора, излюбленное украшение петербургских окон, в двадцать третьем году для Тэффи была уже воспоминанием, как и сам город, откуда они бежали – семь верст, и все крючком; бежали, потому что там становилось не до стихов и не до цветов. В России этот цветок – бело-голубой, искрапленный пунцовыми пятнышками, – носил другое имя. Страстоцвет. Он остался в Петербурге – на литой чугунной ограде Михайловского сада, возле храма Спаса на Крови.

«Страстоцвет» – так назвала поэтесса лучшее стихотворение этого сборника: по-русски. Впрочем, саму Тэффи называть поэтессой не пришло бы в голову никому, разве что какому-нибудь случайному рецензенту трех ее маленьких, совсем незаметных книжечек стихов. Полновесных томов прозы в литературном наследии Тэффи ровно в десять раз больше.

До революции она была невероятно, оглушительно известна как фельетонистка. В нее влюблялись гимназисты, за ней шлейфом вились поклонники, из-за нее один почтенный приват-доцент застрелил не менее почтенного доктора медицины, и газеты писали о происшествии в квартире «г-жи NN», а мальчишки-газетчики шепотом раскрывали каждому покупателю тайну Полишинеля. В неведении о том, кто такая «г-жа NN», оставался, кажется, один Александр Блок, сделавший 20 ноября 1914 года соответствующую пометку в записной книжке о взволновавшем его событии. Блок знал приват-доцента Леонида Евгеньевича Габриловича – поэта Леонида Галича. Ревнивый воздыхатель Тэффи, так неудачно срифмовавший любовь и кровь, сам сдался в участок.

Сам император Николай II накануне празднования 300-летия дома Романовых на вопрос, каких современных писателей он хочет видеть включенными в роскошный юбилейный том, ответил: «Тэффи, Тэффи и Тэффи». Продавались духи и конфеты «Тэффи». Была изготовлена фарфоровая статуэтка Тэффи (раньше, чем художница Данько вылепила игрушечную Ахматову). Карт-посталы с портретом очаровательной дамы имелись у каждого читателя, а читатель был, как сейчас бы сказали, массовый. Тэффи на протяжении многих лет писала для «Русского слова» еженедельные фельетоны. По сравнению с крохотными (почти сегодняшними) тиражами поэтических книг газеты имели действительно огромную аудиторию.

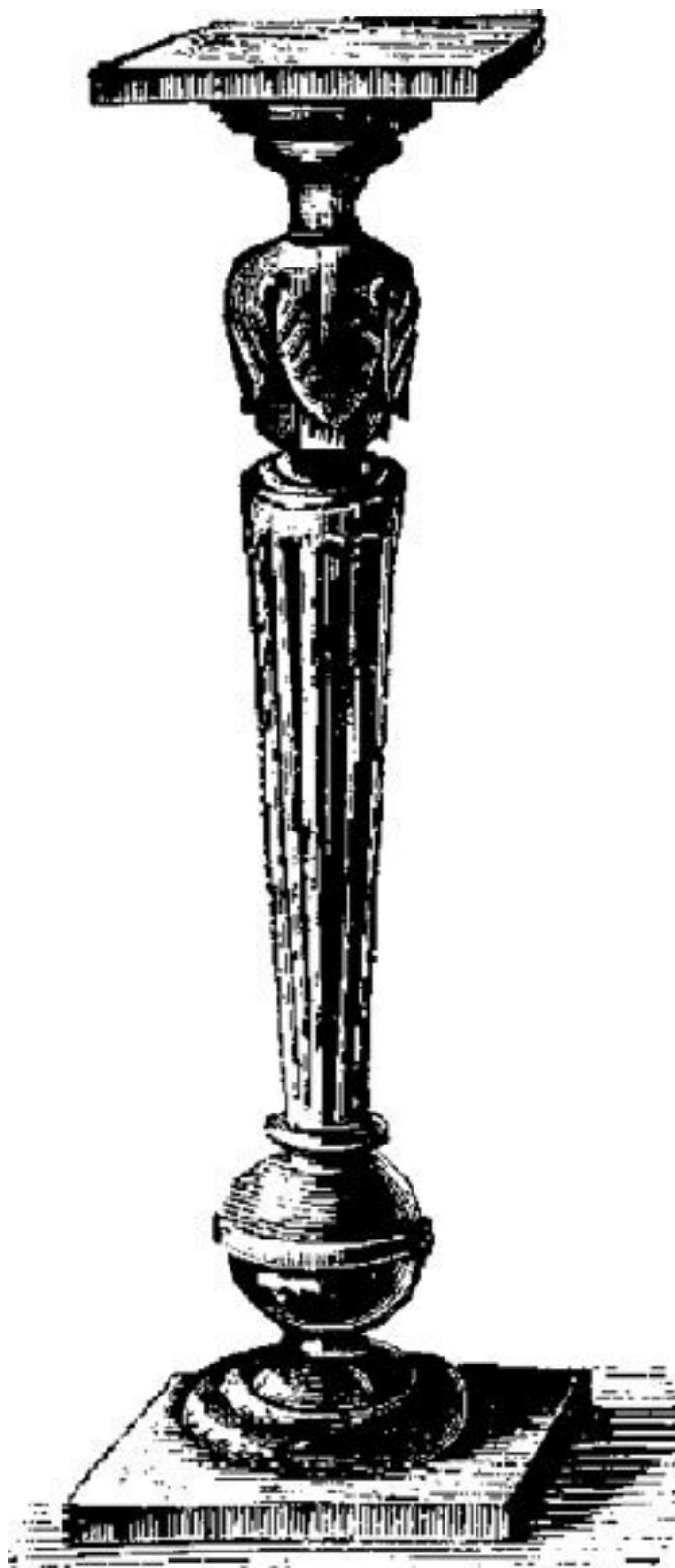
Главный секрет всенародной любви объяснялся просто: Тэффи умела смешить. Писала на самые разные темы легко, с неподражаемой грацией и даже в условиях изнурительной газетной поденщины никогда не повторялась, оставаясь веселой и непринужденной. Словом, казалась бокалом искрящегося шампанского посреди моря разливанного квасной журналистики.

Никто не спрашивал, откуда могло появиться у русского писателя такое имя: если полевая кашка – это кашка, то орхидея и должна зваться орхидеей. Между тем свой псевдоним Надежда Александровна Бучинская позаимствовала у Киплинга – так звали маленькую девочку-шалунью, дочку первобытного человека. Легкомысленное имя, стоявшее в конце ее рассказов, было так же забавно, как и сами произведения, – необычно, чуть-чуть загадочно; Тэффи потом придумала по крайней мере три истории его возникновения, чтобы не разочаровывать читателя и сохранить флер загадочности.

**Макс Гесдерфер. Комнатное садоводство: Практическое
руководство для любителей и садоводов. 2-
е изд. СПб.: Издательство А. Ф. Девриена, 1904**

Из числа вьющихся растений к самым красивоцветущим относится *Passiflora* (кавалерская звезда, страстоцвет), представительница семейства пассифлоровых, родом из лесов Южной Америки и Вест-Индии, где она перекидывается с дерева на дерево красивыми фестонами. В садах выведено много помесей, цветущих еще лучше, чем первоначальные виды. Листья пассифлор имеют некоторое сходство с листьями плюща. Благодаря превосходной и разнообразной окраске недолговечных, к сожалению, цветов, элегантности листвы и в особенности благодаря изящному виду этих растений, они составляют единственное в своем роде украшение для окон жилых комнат. Латинское название этого ботанического рода составлено из *passio*, что значит «страдание», или по-славянски «страсть», и *flos* – «цветок»; отсюда и русское название – страстоцвет. Происхождением своим это название обязано иезуиту Ф. Б. Феррари, умершему в Сиене в 1654 году, который нашел в различных частях распространенной уже в то время *Passiflora coerulea* (голубая пассифлора, с белым наружным и голубым внутренним венчиком) сходство с орудиями Страстей Господних: тройное рыльце изображает три гвоздя¹, кружок искрапанных красным цветом тычинок – окровавленный терновый венец, стебельчатый плодник – чашу, пять пыльников – пять ран Спасителя, трехлопастный лист – копие, прицепки (усики) – плети, белый цвет – безвинность Спасителя и т. д.

¹ На католических изображениях Распятия Спаситель пригвожден ко кресту тремя гвоздями, а не четырьмя, как принято изображать у православных. (Примеч. переводчика.)

Пассифлоры любят сильную и питательную землю. Ставятся на солнечном окне. Любят чистый воздух и частое опрыскивание.

В семье известного петербургского адвоката А. В. Лохвицкого талантом к сочинительству одарены были все, причем писателями были наследственными, в нескольких поколениях. Поэтому сестры Лохвицкие договорились между собою, что в литературу будут входить «по очереди», чтобы друг другу не мешать. Вот и получилось, что, когда пришел черед Надежды

(а она честно выжидала и дебютировала поздно), настоящая фамилия была прочно «занята» старшей сестрой, поэтессой Миррой Лохвицкой. (Мария изменила только свое имя, а фамилию оставила собственную, девичью, хотя и стала к тому времени госпожой Жибер.) Так родилась писательница Тэффи.

Рис. 1. Пассифлора (страстоцвет)

Юмористка Тэффи вскоре стала не менее знаменита, чем ее сестра – «русская Сафо». Книги рассказов Тэффи выходили одна за другой, быстро раскупались, переиздавались, за это

время готовы были новые и печатались еще большими тиражами. В 1910 году был издан двухтомник.

Тогда же, на пике славы, неожиданно появился маленький поэтический сборник Тэффи «Семь огней». Его разругал Брюсов за излишнюю «литературность», мило похвалил Гумилев и... Читатели не задерживались у книжных прилавков, торопясь купить свежий выпуск «Русского слова» с очередным фельетоном Тэффи.

В семнадцатом все закончилось. Вернее, только началось. Через год Надежда Александровна уже бежала с толпой соплеменников – в Киев (все «битые сливки» петербургского общества), Одессу («в Петербурге таким языком рассказывают только анекдоты»), Новороссийск («пестрый, присевший перед прыжком в Европу»). Стало уже не до шуток. Дальше, подхваченная общим потоком: Константинополь, Берлин, Париж. Конечный пункт. Можно было передохнуть и подождать, когда в России все успокоится. В горько-ироничных «Воспоминаниях» Тэффи писала: «Сейчас вернуться в Петербург трудно, поезжайте пока за границу, – посоветовали мне. – К весне вернетесь на родину. Чудесное слово – весна. Чудесное слово – родина... Весна – воскресение жизни. Весной вернусь». Временная передышка затянулась на 30 лет. Упокоилась Надежда Александровна Лохвицкая-Бучинская-Тэффи на парижском кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Есть в небесах блаженный сад у Бога,
Блаженный сад нездешней красоты.
И каждый день из своего чертога
Выходит Бог благословить цветы.
Минует все – и злоба, и тревога
Земных страстей закланной суеты,
Но в небесах, в саду блаженном Бога,
Они возрастают в вечные цветы.
И чище лилий, ярче розы томной
Цветет один, бессмертен и высок, —
Земной любви, поруганной и темной, —
Благословенный, радостный цветок.

Ее стихи оценили не многие. Тэффи любил желчный и нетерпимый к большинству своих собратьев Бунин; редкую для русского писателя «светлую грусть – без мировой скорби» находил в ее поэзии А. Куприн. «Подлинные, изящно-простые сказки средневековья» увидел Гумилев в первом сборнике. Газетные фельетоны были серьезной профессиональной работой, источником средств к существованию. Стихи писались для души, для себя; три маленьких сборника – три женских каприза: увлеклась красивыми камушками, их переливами, символикой, легендами, – и появились «Семь огней», из семи частей состоящая книжка: «Рубин», «Сапфир», «Топаз» и проч. Потом Тэффи коллекционировала расписные нарядные шали – ах как жалко было бросать сундук с этими сокровищами в Петербурге, – и следом сочинила цикл цветастых восточных стилизаций – «Шамрам». Полюбила комнатные цветы, прилежно изучила солидный труд М. Гесдерфера – и написала стихи, составившие сборник «Passiflora».

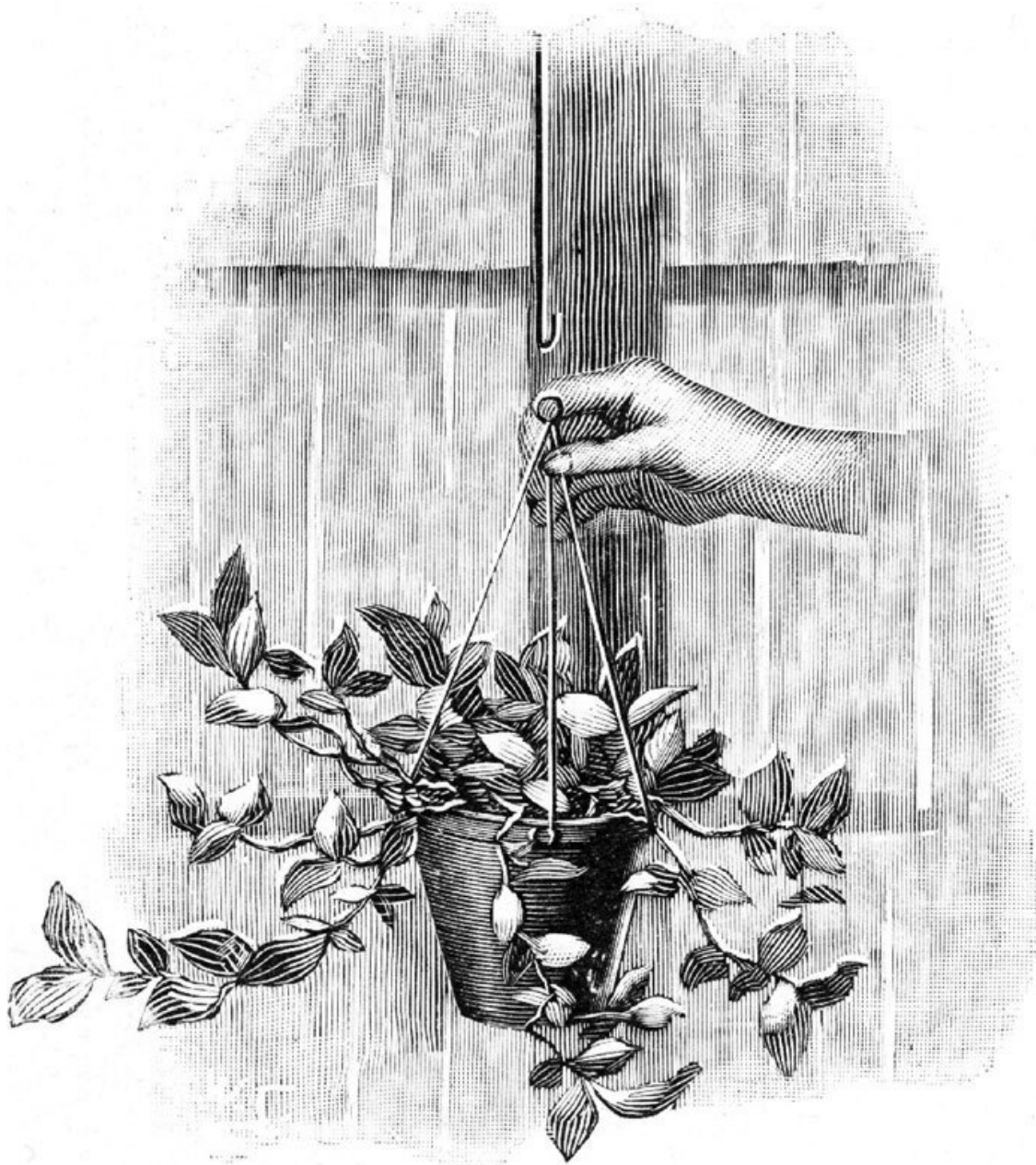

Рис. 2. Обыкновенный горшок, приспособленный для подвешивания

А в том, что книга Макса Гесдерфера была внимательно прочитана Тэффи, нет никаких сомнений. Стихотворение «Страстоцвет» вообще непонятно без сопоставления его образов с соответствующими страницами «Комнатного садоводства». Сведения о пассифлорестрастоцвете, изложенные немецким ботаником, так поразили воображение поэтессы, что она даже назвала всю поэтическую книгу именем мистического цветка. А других популярных книг, откуда Тэффи могла почерпнуть знания о «полевом евангелисте», в то время не было, да и сейчас, судя по всему, не появилось. Еще несколько стихотворений сборника обязаны своим возникновением новой, на этот раз – ботанической, страсти писательницы.

Мы тайнобрачные цветы...
Никто не знал, что мы любили,
Что аромат любовной пыли
Вдохнули вместе я и ты!

Там, в глубине подземной тьмы,
Корнями мы сплелись случайно,
И как свершилась наша тайна,
Не знали мы!
В снегах безгрешной высоты
Застынем – близкие-чужие...
Мы – непорочно-голубые,
Мы – тайнобрачные цветы!

Тэффи нашла этот ботанический термин, вне всякого сомнения, в той же книге Гесдерфера, где сорвала и свой «Страстоцвет». «Тайнобрачные цветы», криптогамы, поразили ее «темным» (любимое слово поэтессы) смыслом, но все-таки не выдержали давления фольклора и стали в конце стихотворения «голубыми». К многочисленным литературным вариациям на тему голубого цветка папоротника прибавилась еще одна – правда, изысканная. Или это вовсе не фольклорные краски, но отсвет голубого цветка Новалиса окрашивал лепестки поэтических образов?..

Цветут тюльпаны синие
В лазоревом краю...
Там кто-нибудь на дудочке
Доплачет песнь мою!

Тэффи обижалась, когда в Париже ее называли, по старой памяти, «юмористкой»: блеск литературного дебюта слепил глаза критикам, и они не сразу разглядели в газетной фельетонистке большого писателя. На других берегах и талант расцвел по-другому. Лирическая влага целиком ушла в прозу, напитала ее и растворилась в ней. «Passiflora» – последний поэтический сборник Тэффи.

Глава вторая

Сады на жестяных кровлях

Эта затея будоражила воображение обывателя недолго, всего два или три лета, и только в Петербурге. В середине девяностых годов XIX века на крыши многоэтажных домов столичные жители потащили кадки с пальмами. Домовладельцы, потрясенные сообщениями русских газет о чудесах строительства в Америке, решили ни в чем не отставать от прогрессивных веяний времени. Санкт-Петербург все же не Венеция, но зато чем же не Чикаго, – и на радостях утешились очередным прожектом. И впрямь столица Российской империи располагалась на той же широте, что и некоторые крупные города североамериканских штатов, «где климат, во всяком случае, не итальянский, а кровли многих высотных домов служат для устройства садов».

Рис. 3. Пальмовая лилия

Статья А. Э. Регеля, откуда взята эта цитата («О тротуарах, дворовых и кровельных насаждениях в больших городах». Вестник Императорского Российского общества садоводства. 1898. № 1), настолько любопытна, что о ней стоит поговорить подробнее. Сухой профессионализм ботаника и простой здравый смысл садовода-практика в конце концов заставляют усомниться в целесообразности создания садов Семирамиды в родном городе. Однако в России, как всегда, сначала попытались сделать сомнительное дело, а только потом стали обсуждать, почему оно провалилось. Первоначально эта идея пришла в голову отнюдь не романтикам, но авантюристам-коммерсантам – исключительно выгоды ради. Дело в том, что домовладельцы пытались поднять цену на квартиры в домах, увенчанных живыми пальмами, так как пародийные «высотные сады» служили чем-то вроде рекламы, как бы обещающая удобства и внутри сдаваемого внаем жилья тоже по последнему слову американской техники.

А. Э. Регель, человек бескорыстный, многократно призывал к украшению каменного города живой зеленью, недоумевая, почему даже самое простое его предложение – посадка холодостойких вьющихся растений около брандмауэров – вызывает полное равнодушие петербуржцев. А тут такой головокружительный проект – и какой эффект, какой небывалый энтузиазм! Поэтому он хотя и отказывается от немедленного устройства тропических садов на крышах Санкт-Петербурга, но отказывается не без вздоха сожаления.

«Я вовсе не говорю, что это и у нас не было мыслимо; напротив, при помощи кадочных растений подобные кровельные сады (вдобавок отличающиеся особой чистотой воздуха) могли бы с успехом процветать и в Петербурге; но самая наличность их обуславливается известными архитектурными соображениями, которые зодчие принять в расчет, конечно, не могли... Следовательно, если кровельные сады и возникнут там и сям, то разве в виде исключения».

Теперь на минуту представим, как этот российский Чикаго воплощался в жизнь. Дворники по черным лестницам, чертыхаясь и проклиная все на свете, волокли громоздкие деревья наверх. Закрепить их на кровле было делом нешуточным: деревянные кадки привязывали к трубам, укладывали доски на крутые скаты, приматывали стволы нежных растений к решеткам и флюгерам. Прислуга лазила через чердаки с ведрами поливать латании и финики, а уж если лето выдавалось дождливым и холодным, то от такого потрясения не всякий комнатный насаждение в состоянии был оправиться.

Низкорослые цветы разводить на крышах не имело смысла, поскольку прогуливаться по жестяной кровле приличной публике было совершенно невозможно, и все представление было рассчитано исключительно на привлечение внимания пешеходов. Вода стекала на задранные вверх головы любопытных прохожих, ветер с Невы нещадно трепал тропические вайи, а дворовые коты гордо восседали под сенью узорчатых ветвей. От всего от этого Санкт-Петербург вряд ли приобрел еще более величественный облик – вид у петербургских крыш, надо думать, стал самый дурацкий. Осенью дворники потащили кадки с полумертвыми растениями вниз, и на всех кухнях прислуга потешалась над вконец сдуевшими барами. Но на этом не успокоились. Какое-то время прогрессивная общественность муссировала проект перестройки крыш с целью приспособления оных для поднебесных садов и парков. Проект оказался слишком дорогостоящим, страсти поутихли, энтузиасты пришли в смущение и о своем порыве позже предпочитали не вспоминать.

Между тем единственный раз упомянуть славную фамилию Регель, к тому же в таком комическом контексте, было бы несправедливым. Представители этого рода в нескольких поколениях неустанно радели об украшении Российской империи: Роберт Эдуардович Регель был автором многочисленных статей в научных журналах, Александр Эдуардович Регель написал книгу с замечательным названием – «Изящное садоводство и художественные сады». А их отец, Эдуард Людвигович Регель, директор Санкт-Петербургского Ботанического сада (с 1855

по 1866 год, а затем в 1875–1892 годы), на протяжении тридцати лет являлся также вице-председателем Императорского Российского общества садоводства (покровителями, то есть номинальными председателями, значились чаще всего великие князья).

Поэтому отдадим должное этим подвижникам: что бы без них значили наши жалкие усилия и что бы по сию пору воспевала русская поэзия! Во всяком случае, нескольких замечательных стихотворений Ин. Анненского и Б. Пастернака мы бы точно лишились – выведение сортов комнатных азалий (азалий – печали, азалий – вокзале) является целиком заслугой Эдуарда Регеля и его сподвижников. Итак, не станем иронизировать, но, напротив, вслед за романтиками-натуралистами проникнемся духом патриотизма и гордости за успехи отечественного цветоводства.

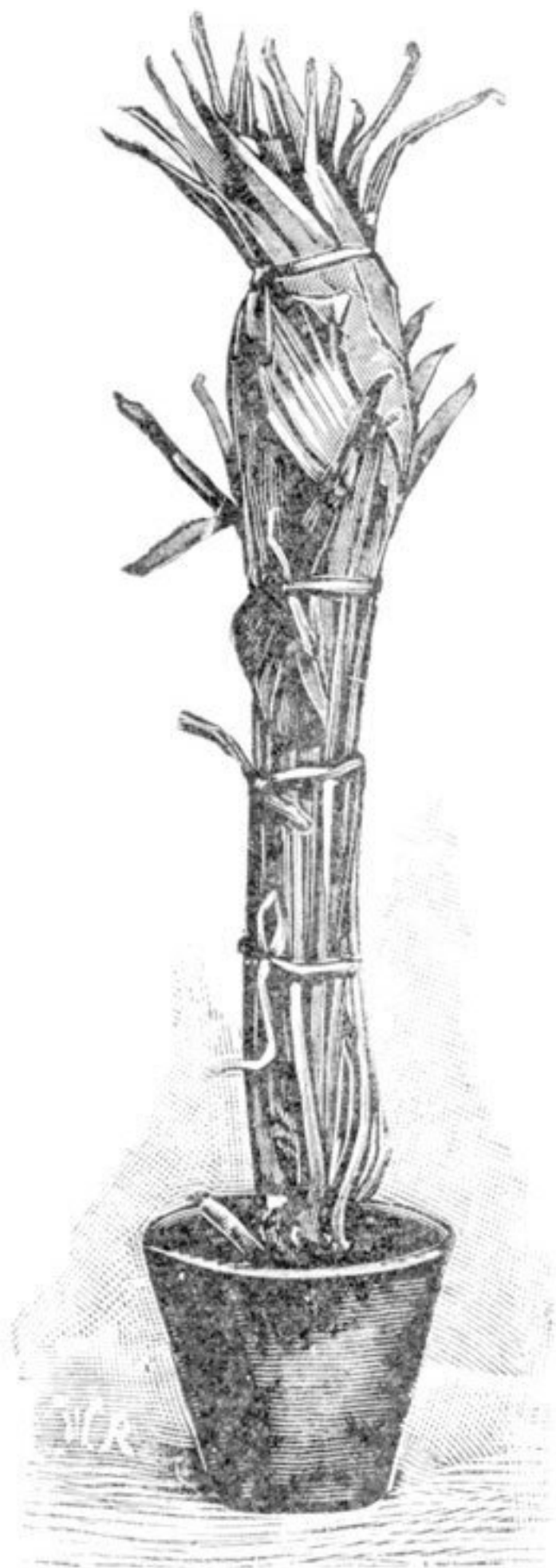

Рис. 4. Латания со связанными листьями

Р. Э. Регель. «О направлениях в садоводстве прежде и теперь. Доклад, читанный к пятидесятилетию Императорского Российского общества садоводства». 1908.

«На севере России особенно процветало комнатное садоводство, и здесь оно стояло гораздо выше, чем за границей. Тщетно мы стали бы искать за границей в квартирах такого повсеместного обилия прекрасной зелени, какую мы привыкли видеть у нас, тщетно стали бы ожидать такого удачного выбора и такого разнообразия комнатной флоры! Объясняется эта общераспространенная любовь к комнатному садоводству, очевидно, продолжительностью нашей северной зимы и краткостью лета. Большой выбор и удачный подбор наших комнатных растений в сравнении с заграничными объясняется, в свою очередь, тем, что в наших комнатах средняя температура зимою значительно выше и гораздо равномернее, чем за границею. Ввиду этого может культивироваться в наших комнатах масса таких растений, о комнатной культуре которых за границей и думать нельзя, каковы многие представители пальм...»

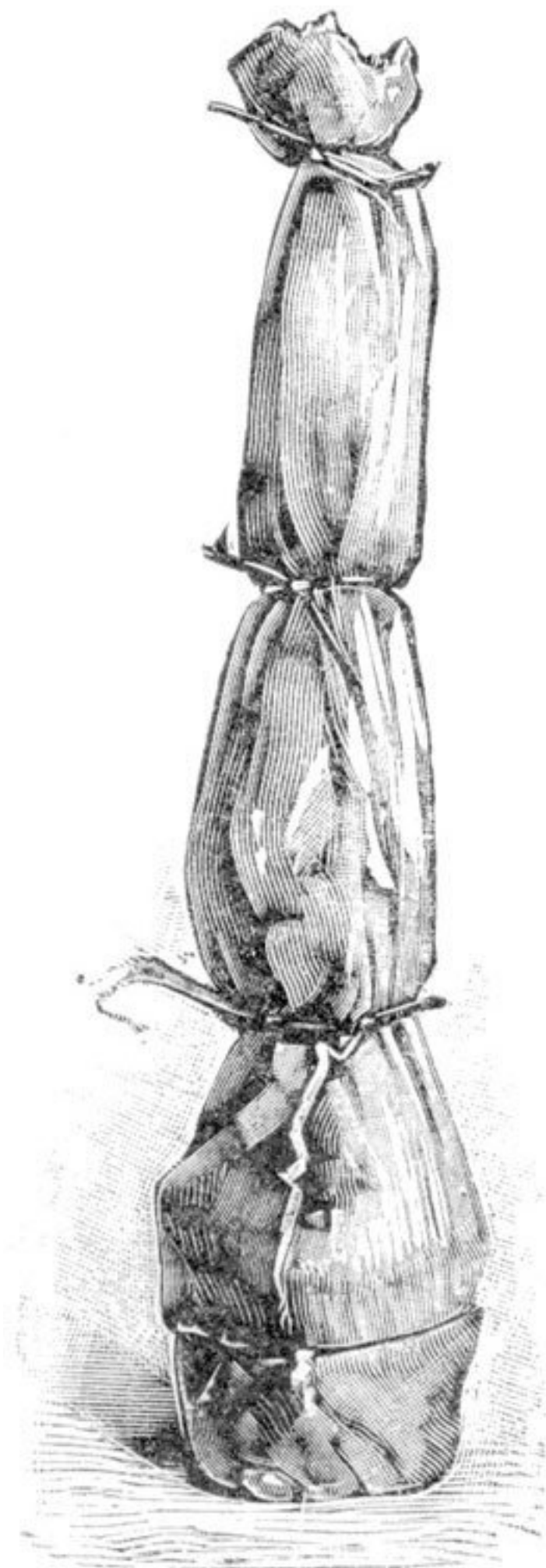

Рис. 5. Драцена, завернутая в вату вместе с горшком

От пальмы, как видно, на бескрайних пространствах Государства Российского все же никуда не деться. Пальма – символ власти, силы, царского могущества, самое, можно сказать, имперское растение в мире комнатного садоводства. Как запрещалось в Петербурге строить здания выше Зимнего дворца, так не след было и пытаться вырастить пальму выше той, что жила в Императорских оранжереях. Жалкая спекулятивная уловка с крышами была справедливо наказана, как бывает наказана всякая человеческая гордыня. Пальмы на крышах Петербурга – дерзкий вызов и состязание с монаршей властью, посягательство на неизбежность самодержавия. России американская демократия не указ.

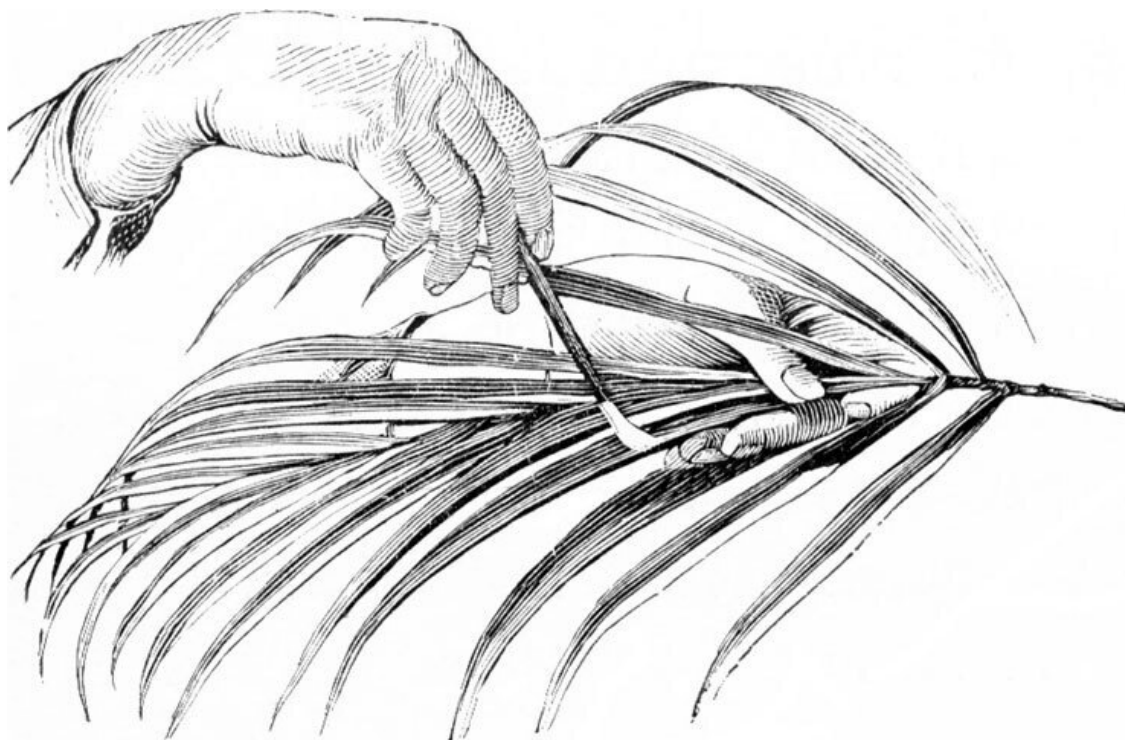

Рис. 6. Чистка желобчатых листочков финиковой пальмы кистью

Пальмы в интерьере дома, в гостиных состоятельных граждан – это всего-навсего свидетельство лояльности, благонадежности подданных, знак довольства властью и своим местом в иерархическом государственном устройстве. Пальма скромного роста, во много раз ниже главной, императорской, в домах вельмож и чиновников высших разрядов служила демонстрацией верноподданнических чувств, если угодно. Обладателем пальмы мог стать не всякий, в данном случае сословные и имущественные различия неукоснительно соблюдались: цена сильно зависела от величины растения, владельцами самых внушительных экземпляров становились люди солидные, богатые, основательные, а бедный люд о пальме и не мечтал. В конце XIX века самый дешевый, Берлинский рынок предлагал российским покупателям растения по следующим ценам (в марках): наиболее распространенные сорта аристократки-пальмы шли, скажем, по 30 марок за один взрослый экземпляр (саженцы стоили дешевле), а фикус-простолудин можно было выписать по 6 марок за дюжину. Так что каждый сверчок должен был знать свой шесток, к тому же величина растения естественным образом ограничивалась высотой потолка личных апартаментов. Потому вполне логично и даже справедливо, что самые величественные пальмы в России были собственностью дома Романовых.

Когда государь император в 1908 году пожаловал юбилейную выставку садоводства, проходившую в Михайловском манеже, пальмами из своих оранжерей, это было расценено как высочайшая милость.

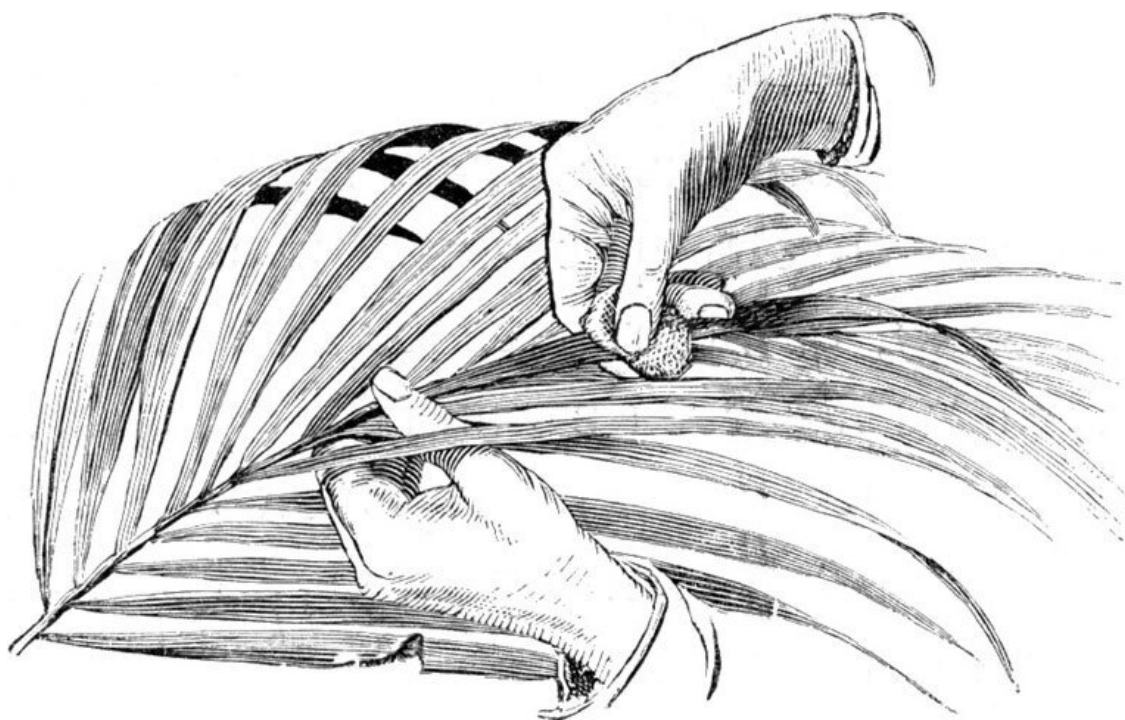

Рис. 7. Обмывание листа перистой пальмы

«Уже одни пальмы Таврических оранжерей способны превратить, раз имеются для них подходящие помещения, всякую выставку в роскошный тропический лес. В этом отношении Петербург оказывается, пожалуй, счастливее даже крупных центров Западной Европы, хотя и располагающих гигантскими, растущими в грунту теплиц пальмами, но не имеющими, подобно Петербургу, столь же высоких и величественных пальм, находящихся в поддающихся в любой момент передвижению кадках, как это имеет место в Петербурге, где эти пальмы возятся в Зимний дворец для украшения придворных балов и празднеств».

А вот как именно упаковывались и выкатывались пальмы из Императорских оранжерей на улицу, каким образом доставлялись они в Зимний дворец, это, глубокоуважаемый читатель, предлагаю вам представить самим. Надо полагать, зрелище было не менее захватывающим, чем выгул слона по набережным Невы.

Тем не менее высшая награда за самый роскошный цветок в 1908 году на юбилейной и, пожалуй, самой роскошной российской выставке садоводства была присуждена отнюдь не пальме. Но сначала – несколько слов о других претендентах на медали, о фаворитах публики. Начнем с упоминания самых простых, традиционных, – таких как лилии и пеларгонии (герани) известного садоводства «Природа» А. Г. Бернгардта, и закончим диковинной коллекцией японских карликовых деревьев С. П. Дурново. Посетители любовались папоротниками из Елагиноостровской оранжереи, кротонами, антуриумами и каладиумами из Стрельны (Дворцовые оранжереи великого князя Дмитрия Константиновича; садовник В. И. Степанов). Граф Ф. А. Уваров из Пореченского садоводства Можайского уезда привез целый поезд пальм и хвойных, и газеты писали о толпе зевак, привлеченных на вокзал редкостным представлением многочасовой выгрузки ценного багажа. Из Крыма и из Царскосельских оранжерей доставил великолепные экземпляры араукарий П. П. Дурново (и получил за них, кстати сказать, вторую премию). Со всей России, не жалея затрат и не боясь риска – растения могли пострадать при

транспортировке, – везли и везли в Михайловский манеж чудеса природы и садовнического искусства. Столица встречала провинциальных соперников во всеоружии.

«Таврические оранжереи выставили группу орхидей. Группа эта была необыкновенно эффектно размещена близ стены на убранных корою деревянных обрубках, что давало вид произрастания орхидей в природе. Помещенные же в различных местах этой группы разноцветные электрические лампочки вечером давали удивительный эффект, еще усиливая красоту расположенных в этой группе орхидей».

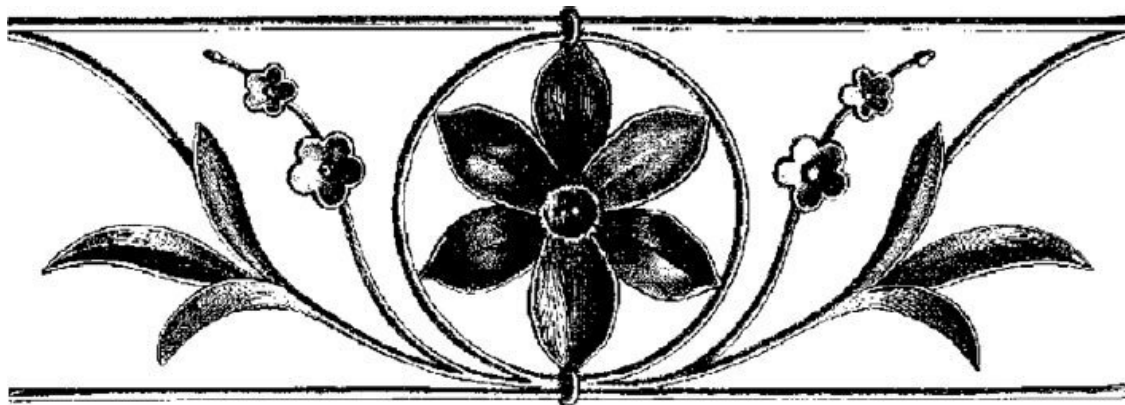
Но по традиции, как и все предыдущие годы, первое место на юбилейной выставке в 1908 году было отдано царице цветов – розе. Золотую медаль-уникум получил за коллекцию собственных сортов чайных роз известный садовод и предприниматель В. К. Фрейндлих, владелец оранжерей в Царском Селе.

Причем все эти розы-победительницы имели отличительные внешние признаки «петербурженок нежных»: круглая шапка из цветов и листьев эффектно возвышалась на высоком голом стебле. Подобная штамбовая форма была характерна только для горшечных цветов, культивировавшихся в столице Российской империи, и так и называлась – «петербургской прививкой». Внешний вид растений словно повторял геометрически правильные архитектурные формы города, его строгие шпили, гипсовые шары, украшающие входы в парадные подъезды, рифмовался с рукотворной красотой зданий и набережных. На европейских выставках цветоводства посетители всегда отмечали особый русский стиль, проявлявший себя даже в такой скромной области искусства, какой, казалось бы, является комнатное садоводство.

Предметом особой гордости Общества был тот факт, что до его образования в столице не было ни одного частного цветочного магазина, а к началу XX века их уже стало около полусотни, причем выбор растений ничуть не уступал лучшим торговым заведениям Европы. Разумеется, значительная часть ассортимента выписывалась из-за границы, но были и патриоты, собственные наши «Платоны и Невтоны» от садоводства.

**А. Кернер фон Марилаун. Жизнь растений. С
библиографическим указателем и оригинальными
дополнениями А. Генкеля и В. Траншеля.
СПб., 1900. Т. 2: История растений. Глава
«Растение как вдохновитель художника»**

Свежая зелень и цветы недолговечны, они скоро желтеют, вянут и теряют свою характерную форму; кроме того, их нельзя иметь во всякое время года. Поэтому явилось желание создавать изображение этих творений природы из прочного материала и заменять свежие растения неувядаемыми.

Благодаря свойствам металлов металлические растительные орнаменты представляют наиболее точную копию настоящих цветов, листьев и усиков. Железные орнаменты растений особенно часто попадаются на перилах и решетках, среди них выдающуюся роль играют так называемые узоры *Agum*: у них из середины чашечки выходят спирально завитые железные усики.

Очень распространены были во все времена орнаменты из камня, хотя материал этот по своей сущности значительно стесняет свободу художника; вероятно, в том и кроется причина того явления, что стиль цветов в барельефе намечается только в общих чертах и сочетается с массивными плодами. Если надо представить нежные цветы, то художник помещает их в нише или под защитной крышей.

Цветы встречаются на каменных изваяниях так часто, что ваятели и архитекторы выработали для различных форм определенные названия и свою специальную терминологию. Лилия – орнамент состоит из трех лепестков, из которых один прямой очень сильно расширяется кверху, между тем как два боковых выгнуты кнаружи и наклонены остриями к земле. Без сомнения, в этом стиле подразумевается не лилия, а касатик (*Iris*). Лотос – мотивом служит *Nymphaea coerulea*, не только цветы, но также листья и цветочные почки. Пальметта – этот чрезвычайно распространенный орнамент, бесспорно, возник из пальмового листа, именно из листа финиковой пальмы².

Особая роль в популяризации новинок принадлежала замечательному энтузиасту, садовнику Владимиру Ивановичу Степанову. С 1907 года в Петербурге был открыт склад-магазин, где, наряду с самыми простыми и дешевыми, можно было приобрести экзотические комнатные цветы, считавшиеся диковинными даже в Париже или Берлине. Причем все предлагавшиеся на продажу растения выращивались под Петербургом и поэтому хорошо были приспособлены к содержанию в местных условиях. Если внимательно посмотреть, какие именно комнатные цветы выписывал для своих оранжерей В. Степанов, а через несколько лет выставлял на продажу в виде отличных, широко растиражированных сортов, то нельзя не отдать должное его прозорливости. Он не пытался догнать вчерашний день парижской моды, но, безошибочно угадывая направление развития вкусов, точно прогнозировал день завтрашний. И не просто угадывал и прогнозировал, но... определял, диктовал, воспитывал вкусы русских цветоводов, своими необычными предложениями стимулируя покупательский спрос. Художник-оранжерейщик творил на рубеже веков, то есть в то время, когда в искусстве происходила смена стилей, когда старые формы отжили свое и уже не удовлетворяли взыскательного вкуса элиты. Не будет преувеличением сказать, что стрельнинский садовник Степанов стал одним из самых первых радикальных и влиятельных деятелей русского модернизма.

Сдается нам, что рекомендательным списком для оранжерей послужила В. И. Степанову... книга Ж.-К. Гюисманса «Наоборот». Во всяком случае, оба каталога – первый, по которому герой Гюисманса, эстет дез Эссент, выписывает комнатные растения для своего особняка, и второй, в соответствии с которым стрельнинский садовник заказывает растения из Парижа, – практически совпадают. Не откажем себе в удовольствии процитировать несколько фраз из романа; думается, что именно их Степанов мог прочесть в свое время с особым удовлетворением. Иностранные языки, во всяком случае немецкий и французский, он, судя по всему, неплохо выучил. (Роман «Наоборот» – «*A rebours*», вышедший во Франции в 1884 году, порусски появился только в 1906-м. Мы же далее цитируем французского писателя в современном переводе.)

² По моему мнению, в основу пальметты лег лист не финиковой пальмы, а скорее латании. (Примеч. переводчика А. Генкеля.)

«...Сама по себе природа не способна породить нечто нездоровое и произвольное. Она лишь поставляет исходный материал – семя, почву, плод, материнское чрево, – и только человек в соответствии со своим вкусом обрабатывает его, придает конечную форму и цвет.

И природа – упрямица, путаница, воплощенная косность – подчинилась. Ее сюзерену, человеку, посредством различных экспериментов удалось переиначить состав земли, а также употребить в своих интересах лабораторные гибриды, достигнутые в результате долгого труда скрещивания видов, сложных прививок. В итоге человек пересаживает на одну ветку не сочетающиеся между собой цветы, изменяет как хочет их вековые формы, изобретает новые оттенки лепестков и, нанося последние штрихи и окончательно завершая работу, ставит свою подпись, росчерк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.